ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛЕСНОГО КОМПЛЕКСА ЗА ГОДЫ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ: ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ СРЕЗ

25
Л Е Т
реформ

Н.Е. Антонова

Антонова Наталья Евгеньевна – доктор экономических наук, главный научный сотрудник. Институт экономических исследований ДВО РАН, ул. Тихоокеанская, 153, Хабаровск, Россия, 680042. E-mail: antonova@ecrin.ru.
ORCID: 0000-0003-0317-0817

Аннотация. Исследованы изменения в лесном комплексе Дальнего Востока в 1990–2016 гг. с целью определения степени их влияния на современную структуру комплекса. Показано, что изменение институциональных условий в 1990-х гг. выразилось в диверсификации форм собственности, изменениях правил внешней торговли и условий наделения лесосырьевой базой. В начале 2000-х гг. произошло дальнейшее усиление внешнего фактора, отсечение национального рынка, сжатие регионального рынка. В лесном экспорте произошло сужение его географии, переориентация в сторону стран Северо-Восточной Азии с постепенным доминированием Китая, что способствовало размещению производства в наиболее освоенных районах южной части Дальнего Востока, примыкающих близко к внешним рынкам. Изменения в институциональных условиях лесопользования, охватившие начиная с 2007 г. лесное хозяйство, лесопромышленное производство и лесной экспорт, выступили ограничением в его развитии. Лесоэкспортная политика привела к снижению роли российских экспортеров на рынках США. Кризисные явления в лесном комплексе Дальнего Востока начала 2010-х гг. вызвали необходимость перехода к его «ручному» управлению в виде дополнительных льгот. Установлено, что, несмотря на происходившие изменения, сложившаяся до начала реформ продуктовая и технологическая структура лесного комплекса Дальнего Востока явилась в целом устойчивым образованием, инвариантным к институциональным трансформациям.

Ключевые слова: лесной комплекс, реформа, 25 лет, трансформационные процессы, Дальний Восток

Для цитирования: Антонова Н.Е. Трансформация лесного комплекса за годы российских реформ: дальневосточный срез // Пространственная экономика. 2017. № 3. С. 83–106. DOI: [10.14530/se.2017.3.083-106](https://doi.org/10.14530/se.2017.3.083-106).

For citation: Antonova N.E. Transformation of the Forest Complex during the Years of Russian Reforms: The Far Eastern Viewpoint. *Prostranstvennaya Ekonomika* = *Spatial Economics*, 2017, no. 3, pp. 83–106. DOI: [10.14530/se.2017.3.083-106](https://doi.org/10.14530/se.2017.3.083-106).

Сложившийся к началу 1990-х гг. лесной комплекс Дальнего Востока подвергся многочисленным изменениям в рамках общей социально-экономической реформы в России. Соответственно, константы и переменные, описывающие правила, механизмы, пропорции и динамику функционирования лесного комплекса Дальнего Востока, претерпели существенные изменения, что повлекло за собой возникновение проблем и изменение структурных взаимосвязей внутри лесного комплекса, которые проявлялись в объемах выпуска, производительности труда и т. д.

В статье выполнен анализ изменений в лесном комплексе Дальнего Востока в 1990–2016 гг. с точки зрения их масштабности, темпов и глубины охвата с целью определения степени влияния этих изменений на современную структуру лесного комплекса Дальнего Востока, сложившуюся к 2017 г.

ИСХОДНЫЕ ПОЗИЦИИ

Известно, что на характеристики последующего состояния системы оказывает влияние зависимость от ее предшествующего развития (path dependence эффект) (Радаев, 2007). В дальнейшем возникает структурная и институциональная инерция развития, в результате которой зачастую новые формы оказываются комбинацией ранее существовавших. Другими словами, на трансформацию лесного комплекса в период реформ оказал влияние весь предыдущий опыт его развития, который во многом заложил основы теперешнего состояния. Следовательно, для системного видения объекта исследования представляется необходимым прояснить исходные позиции, дать общую картину состояния лесного комплекса в предшествующие реформам десятилетия.

К началу реформ лесной комплекс Дальнего Востока представлял собой отрасль народнохозяйственной специализации региона, развивающуюся в соответствии с приоритетами государства по отношению к Дальнему Востоку как источнику валюты за счет экспорта местных природных ресурсов.

Установка правительства на частичную экспортную ориентацию ресурсных отраслей Дальнего Востока явилась важным институциональным фактором, способствовавшим развитию лесного комплекса региона. Внедренная в конце 1960-х гг. такая форма внешнеторговой политики, как компенсационные соглашения с Японией привела к резкому росту экспорта лесопромышленной продукции с Дальнего Востока. К 1980 г. экспорт составлял 28% производимой в регионе лесопроductии, внутрирегиональный спрос – 58, вывоз в республики СССР – 14% (Заусаев, 1992). Внутрирегиональный спрос формировался в основном отраслью строительства, как промышленного так и гражданского. В структуре экспорта круглая древесина

в среднем составляла 70–80%, остальное приходилось на пиломатериалы, целлюлозу и технологическую щепу.

Увеличение спроса способствовало росту количественных показателей производства продукции: с 1960 по 1986 г. рост объемов заготовки древесины составил 2,5 раза, целлюлозы – 3 раза, картона – 3,5 раза, пиломатериалов и фанеры – 1,3 раза, были созданы производства древесно-стружечных и древесно-волоконистых плит, технологической щепы (Антонова, 2010). К 1980 г. доля ЛК Дальнего Востока в общесоюзном объеме вывозки древесины составляла 8,2 %, в объеме перерабатываемой древесины – 5,5%.

Однако сырьевой фактор выступил ограничителем развития лесного комплекса: после 1970 г. темпы вывозки древесины в регионе стали снижаться, что свидетельствовало об исчерпании наиболее доступных ресурсов в южной части Дальнего Востока и необходимости освоения лесных массивов в более северных районах. Приращение лесосырьевой базы в 1980-х гг. за счет лесов в зоне строящейся Байкало-Амурской железнодорожной магистрали временно приостановило эту тенденцию. Но перемещение лесозаготовок в удаленные малообжитые районы потребовало значительных инвестиций в инфраструктуру, увеличения среднего расстояния вывозки, что привело к росту ускоренными темпами затрат на освоение лесных ресурсов и снижению рентабельности лесопромышленной деятельности.

В советских стратегических документах развитие лесного комплекса на перспективу до 2000 г. сохраняло свою частичную экспортную ориентацию: предложение лесной продукции должно было удовлетворять внутрирегиональный спрос и спрос внешнего рынка (Шлыков, Грачев, 1984). Исходя из существовавшей конъюнктуры на внешнем рынке, наиболее перспективными продуктами лесного экспорта с Дальнего Востока оставались деловая древесина, технологическая щепка и целлюлоза. Поэтому необходимо было развивать целлюлозно-бумажное производство, производство щепы при стабилизации производства пиломатериалов. Основной прирост лесозаготовок намечался за счет освоения ресурсов в зоне БАМа Амурской области и севера Хабаровского края. Эти установки нашли отражение в структуре предложения продукции лесного комплекса Дальнего Востока, в которой к концу 1980-х гг. произошло некоторое увеличение доли целлюлозы, картона и щепы, но наиболее значимыми все равно оставались деловая древесина и пиломатериалы.

После 1986 г. большинство показателей экономического развития лесного комплекса начали постепенно снижаться, тем не менее в конце 1980-х гг. комплекс обеспечивал 10% товарной продукции промышленности региона, в нем было занято 12% экономически активного населения и 13% промышленно-производственного персонала (Экономическая..., 1997).

В 1990 г. на продукцию лесного комплекса приходился наибольший удельный вес в структуре дальневосточного экспорта, он являлся одним из самых стабильных в обеспечении валютных поступлений. Но к 1992 г. – началу реформ – лесной комплекс утратил эту роль, на первое место в экспорте вышел рыбохозяйственный комплекс. Падение экспорта лесопромышленной продукции было вызвано падением объемов производства, резко возросшими транспортными расходами, а также несовершенством налоговой политики и высокими таможенными пошлинами (Новохатько, 1994).

НАЧАЛО РЕФОРМ: ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЛЕСНОМ КОМПЛЕКСЕ

В качестве основных общеэкономических факторов, определивших развитие Дальнего Востока и соответственно его регионально-отраслевых систем в переходный период, явились:

- ликвидация гарантированного рынка сбыта внутри страны, а также системы госзаказа и фондирования;
- отмена компенсации государственным бюджетом удорожающих региональных факторов производства;
- резкое сокращение объемов государственных капиталовложений;
- либерализация внешнеэкономической деятельности (Минакир, 1998).

Системным институциональным изменением явилась диверсификация форм собственности на факторы производства.

В лесном комплексе произошедшее в результате реформ изменение отношений собственности привело к тому, что две его основные подсистемы – лесное хозяйство и лесопромышленный комплекс – стали базироваться на различных формах собственности: лесное хозяйство – на государственной, лесопромышленное производство – на частной. Возникло новое противоречие между частным производством и государственным владением лесными ресурсами (Экономическая..., 1997).

Согласно принятым Основам лесного законодательства РФ основная часть лесов России была отнесена к государственной федеральной собственности, фактическое распоряжение лесными ресурсами осуществлялось органами власти субъектов Федерации, а право пользования передавалось хозяйствующим субъектам с частной формой собственности. Однако эти права были нечетко прописаны в законодательстве, что давало возможность их неоднозначного толкования в практике лесопользования и нередко вызывало конфликты между заинтересованными сторонами.

Разрушение многих структур государственного управления экономикой заставило лесной комплекс приспосабливаться к новым условиям, что вы-

разилось в неоднократных его реорганизациях как на федеральном, так и на территориальном уровнях. Лесное хозяйство формально сохраняло советскую централизованную структуру управления (федеральный центр – территориальный орган – лесхоз), но фактически определяющую роль в управлении лесами стали играть органы власти территорий. Сохранилось бюджетное финансирование лесного хозяйства, но в условиях дефицита федерального бюджета в 1990-е гг. лесхозы вынуждены были перейти на самофинансирование за счет рубок промежуточного пользования, направленных преимущественно на заготовку деловой древесины (Лесной..., 2001).

На уровне территорий происходил распад старой и формирование новых структур управления лесным комплексом. В условиях разрушения вертикальных отраслевых связей и ослабления влияния центральных отраслевых структур на деятельность территориальных лесных комплексов одновременно усилился интерес к ним органов власти дальневосточных территорий, особенно южной части Дальнего Востока. Они осознали, что лесные ресурсы являются реальным богатством территорий и в условиях прекращения бюджетных дотаций из центра должны быть одним из основных источников пополнения территориальных бюджетов. Начиная с 1995 г. была проведена большая организационно-правовая работа по получению территориями полномочий распоряжаться лесными ресурсами, что выразилось в принятии ряда нормативных актов, регулирующих лесопользование. Особенно активная деятельность в этом направлении проводилась в Хабаровском крае, где в 1999 г. был принят Лесной кодекс Хабаровского края, который отличался большей, чем федеральный кодекс, проработанностью положений, регулирующих лесные отношения (Лесной..., 2005).

Важным институциональным фактором стало изменение условий получения лесосырьевых участков в пользование. Если в советское время за крупными лесопользователями лесосырьевые базы закреплялись на долгосрочной основе практически бесплатно, то с переходом к рыночным отношениям лесопользование стало платным и срочным. Право аренды приобреталось по результатам проведения лесных конкурсов, где существовал ряд критериев отбора их победителей. Территориальные конкурсные комиссии могли установить дополнительные критерии и условия лесного конкурса, что широко практиковалось в некоторых дальневосточных территориях и являлось предметом торга между лесопользователем и органами власти, как территориальными, так и муниципальными.

Таким образом, структура лесного комплекса Дальнего Востока и система его управления в этот период носили переходный характер. Как и во всей экономике, в нем одновременно действовали экономические институты, свойственные централизованной и рыночной экономикам. С одной сто-

роны, система управления лесным комплексом поддерживалась достаточно существенным пакетом нормативных актов, но, с другой стороны, она характеризовалась высокой долей неформальных отношений, особенно со стороны органов власти территорий, влияние которых выходило далеко за рамки юридически предоставленных им полномочий.

В начале реформ в промышленной части лесного комплекса усилилась деконцентрация производства. В 1991 г. на Дальнем Востоке действовало 82 леспромхоза, 14 лесопильных предприятий, 12 мебельных фабрик, 10 целлюлозно-бумажных заводов (Шейнгауз, Каракин, Тюкалов, 1997). После 1991 г. новым явлением в лесозаготовительной отрасли Дальнего Востока стал рост в 4–5 раз числа лесопользователей. Это было общее для страны явление – количество лесопромышленных предприятий в России увеличилось за 1990–1996 гг. почти в 5 раз. Но наибольший рост числа предприятий произошел после 1999 г. – как реакция на изменившиеся условия экспорта древесины.

В ходе преобразований возникло два типа лесозаготовительных предприятий (Экономика..., 1998).

Первый тип – бывшие государственные предприятия, в которых часть акций (зачастую контрольный пакет) принадлежала государству. Некоторые из них стали основой формирования дочерних предприятий, которые не имели государственной доли в уставном фонде и выполняли основные лесозаготовки. Головные леспромхозы, как правило, оставались обремененными долгами и убыточными. Основная цель такого дробления – поиск путей получения прибыли в условиях неэффективности старых производств.

Второй тип – новые частные предприятия без государственного участия. Первоначально это были, как правило, мелкие, неспособные проводить долгосрочную политику развития, создавать лесопромышленную инфраструктуру. Но в эту же группу в дальнейшем вошли и самые крупные из действующих лесозаготовительных предприятий, которые вели стабильную производственную деятельность, стали вкладывать средства в освоение территории.

Это наглядно показывает, что в лесном комплексе присутствовали модели поведения экономических агентов частично старой, частично новой экономической системы (Минакир, 2006).

Деревообрабатывающим предприятиям (в основном лесопильным, а также производящим технологическую щепу, плитные материалы) приватизация не принесла особых организационных изменений и не повысила их конкурентоспособность. Реконструкция и дробление таких предприятий с их более сложным, чем в лесозаготовках, технологическим процессом вызвали лишь спад производства. Среди них выделились две группы: первая группа предприятий – оборудованные современной импортной техникой и

могущие выйти на конкурентоспособный уровень продукции; вторая – оборудованные устаревшей отечественной техникой, неконкурентоспособные, многие из которых стали сокращать объемы производства с последующим закрытием. К концу 1990-х гг. закрылись все фанерные заводы, часть предприятий по производству древесно-стружечной плиты, все предприятия по производству древесно-волоконистой плиты.

Предприятия деревопереработки (целлюлозно-бумажные, химические производства) также не смогли преодолеть последствия экономического кризиса и к концу 1990-х гг. свернули деятельность. Целлюлозно-бумажные производства в Сахалинской области оказались неконкурентоспособны на внешнем рынке со старыми японскими технологиями и оборудованием. В Хабаровском крае бывший Амурский целлюлозно-картонный комбинат был доведен до банкротства, гидролизный и биохимический заводы из-за потери рынков сбыта, отсутствия сырья также закрылись, попытки создать на их базе другие производства оказались неудачными.

Производство разных видов лесопромышленной продукции сократилось к 1993 г. по сравнению с 1986 г. от 2,5 до 5 раз. В целом по Дальнему Востоку объем производства в 1998 г. к уровню 1990 г. снизился до 23,2%, объем вывозки древесины сократился за 1990–1998 гг. в 3,5 раза. За 1990–1998 гг. ликвидировано производство фанеры, целлюлозы; сократилось производство картона в 40 раз, ДСП – в 38, пиломатериалов – в 11, ДВП – в 9 раз (Антонова, 2010).

Негативное влияние на лесной комплекс региона в 1990-х гг. оказало общее ухудшение экономической ситуации в стране. Высокая инфляция издержек производства, прежде всего транспортных и энергетических, вызвала снижение конкурентоспособности региональной лесопромышленной продукции, особенно продукции переработки. Рост цен на услуги естественных монополий значительно опережал рост цен на лесопромышленную продукцию, особенно существенным для массово-необработанной древесины оказался рост железнодорожных тарифов – за 1990–1996 гг. он составил 18 тыс. раз при росте цен на древесину в среднем в 10 тыс. раз (Экономика..., 1998).

Структурные изменения в лесном комплексе отразились на изменении соотношения объемов производства промышленных переделов. До 1992 г. в общем объеме лесопромышленного производства продукция лесозаготовок составляла 40,3%, деревообработки – 41,3, целлюлозно-бумажного производства – 16, лесохимическая продукция – 2,4% (Шейнгауз, Каракин, Тюкалов, 1997). В последующие годы наиболее востребованным видом продукции оставалась необработанная древесина: в 1994–1995 гг. в структуре промышленной продукции на продукцию лесозаготовок приходились уже

76% и только 24% на остальную продукцию. К 1998 г. доля переработанной древесины снизилась до 16%.

Повышение после кризиса 1998 г. эффективности экспорта лесопромышленной продукции привело к дальнейшему увеличению доли необработанной древесины: в 2000 г. в среднем по Дальнему Востоку степень переработки была равна 10, а по Российской Федерации – 26% (Проблемы..., 2000).

Производство же других видов продукции (за исключением древесностружечных плит) практически было свернуто. Таким образом, лесной комплекс Дальнего Востока остался без утилизаторов низкотоварной древесины и отходов, без чего невозможно нормальное функционирование этого комплекса.

С началом реформ существенные изменения претерпел рынок сбыта лесопромышленной продукции Дальнего Востока. В 1990-е гг. произошло общее сокращение спроса на продукцию лесного комплекса. Был потерян общесоюзный рынок, в основном в бывших советских республиках Средней Азии. С 1994 г. поставка лесопромышленной продукции в другие регионы страны практически полностью прекратились из-за «сибирского барьера», существовавшего и в советское время, когда себестоимость восточносибирской древесины была в 3–4 раза ниже дальневосточной, но ставшего совсем непреодолимым в период реформ из-за роста транспортных тарифов (Шейнгауз, Каракин, Тюкалов, 1997).

Внутрирегиональный рынок сократился из-за сворачивания строительства как основного потребителя лесопромышленной продукции на Дальнем Востоке. К 1995 г. 50% регионального объема древесины потреблялось внутри региона, 50% поставлялось на экспорт, объем которого резко сократился в 1991 г., но затем стал снова расти. Характерно, что этот постепенный рост объемов экспорта происходил на фоне падения производственных показателей лесного комплекса (*рис. 1 и 2*), что было результатом перераспределения потоков лесопромышленной продукции за счет сокращения поставок на внутренний рынок (Экономическая..., 1993).

В 1990 г. лесной комплекс Дальнего Востока обеспечивал 27%, а в 1992 г. 35% российского экспорта необработанной древесины (Шейнгауз, Каракин, Тюкалов, 1997), в середине 1990-х гг. она составляла 40%.

Во второй половине 1990-х гг. из-за начавшейся рецессии в Японии – основном потребителе дальневосточной древесины – произошло падение цен на нее, которое усугублялось несогласованностью действий дальневосточных экспортеров, что приводило к потере экспортной выручки (на *рис. 2* виден этот провал в объемах экспорта в 1997 г.). К тому же дальневосточная древесина была частично потеснена на азиатском рынке дешевой и качественной восточносибирской древесиной.

Рис. 1. Динамика индексов физических объемов производства необработанной древесины и пиломатериалов в ДФО, %

Источники: База данных ИЭИ ДВО РАН; Дальний..., 1993; Регионы..., 2007–2016 гг.

Рис. 2. Динамика индексов физических объемов экспорта необработанной древесины и пиломатериалов из ДФО, %

Источники: База данных ИЭИ ДВО РАН; Шейнгауз, Шлык, 1997; Внешняя..., 2017.

В целом функционирование лесного комплекса происходило в этот период в том же мейнстриме, что и остальных отраслей ресурсного сектора Дальнего Востока. После «разовой» переориентации ресурсного экспорта с других российских регионов и бывших советских республик на страны АТР, случившейся в начале 1990-х гг., структура дальневосточного экспорта оказалась неустойчивой, поскольку сильно зависела от конъюнктуры внешнего рынка (Михеева, 2006).

Тем не менее именно лесной экспорт помогал лесопромышленным предприятиям сохранять производство, рабочие места. При падении внутреннего спроса, росте взаимных неплатежей экспортная деятельность оставалась единственным фактором поддержания и стабилизации производства лесного комплекса в 1990-е гг. (Экономика..., 1998), да и последующий период подъема тоже.

ПОДЪЕМ: «ЗАГРАНИЦА НАМ ПОМОЖЕТ»

Финансовый кризис 1998 г., вызвавший девальвацию рубля, способствовал повышению рентабельности поставки продукции на экспорт, что привело к оживлению деятельности в лесном комплексе. Стало восстанавливаться в первую очередь производство необработанной древесины и пиломатериалов, произошел рост количества лесозаготовительных предприятий. В 2000 г. рост стоимостного объема лесного экспорта к 1999 г. составил 1,2 раза, занимая 14% в общем объеме экспорта Дальнего Востока. В целом за 1998–2003 гг. физические объемы лесного экспорта выросли в 2,3 раза (см. *рис. 2*).

Началось постепенное увеличение доли лесного комплекса в структуре промышленности Дальнего Востока (с 4,1 до 5,2% за 2000–2003 гг.) как результат подъема в лесопромышленном производстве, особенно в территориях, тяготеющих к внешним рынкам. При этом доля лесного комплекса Дальнего Востока в объеме промышленного производства региона была выше, чем доля российского лесного комплекса в промышленности России в целом – коэффициент локализации начиная с 2001 г. превышал 1,09 (Антонова, 2010).

Фактор внешнего спроса способствовал улучшению финансово-экономических показателей деятельности лесозаготовительной отрасли, но продолжали ухудшаться показатели деревообрабатывающей. Осталась и даже усугубилась основная проблема – вывоз за границу необработанного сырья, доля круглой древесины в общем объеме лесоэкспорта начиная с 1999 г. стала составлять 95–96%.

Появившееся после 1999 г. большое число фирм, осуществляющих поставку древесины на внешний рынок и при этом укрывающих доходы от налогообложения, приводило к недополучению территориальными бюджетами значительных средств от использования лесных ресурсов. Для решения проблемы повышения доходности, увеличения поступлений в бюджет от лесопользования территориальные органы власти стремились к регулированию экспортной, прежде всего ценовой, политики, а также стимулированию предприятий к выпуску переработанного сырья. Последнее делалось путем установления заданий арендаторам переработать определенный процент

заготовленной древесины. В качестве стимулов применялось дифференцированное с учетом доли переработки снижение надбавок к минимальным ставкам платы за древесину. Но такая самостоятельность в деятельности территориальных властей была признана не соответствующей федеральному законодательству и вскоре прекращена.

Под влиянием фактора внешнего спроса произошли изменения в пространственной организации лесного комплекса – дальнейшее сосредоточение производства южной части Дальнего Востока, концентрации производства в наиболее освоенных районах, примыкающих к транспортным путям. Производство сконцентрировалось, прежде всего, в Хабаровском и Приморском краях (83% заготовки древесины региона), которые имели как богатую лесосырьевую базу, так и удобные выходы к внешним рынкам, а также наработанные связи с постоянными иностранными партнерами, в основном японскими. В результате благоприятной внешней конъюнктуры также активизировались экспортеры в других территориях, в первую очередь, прилегающих к границе – Амурской и Сахалинской областях, Еврейской автономной области.

Увеличение объемов экспорта необработанной древесины с 1999 г. способствовало заметному росту лесопромышленного производства в этих же территориях. Особенно впечатляющий рост индексов объемов лесопромышленного производства был в 1999 г.: в Хабаровском крае – на 137,1% к предыдущему году, Приморском крае – 121,1, Амурской области – 134, а в Сахалинской области – 260% (Антонова, 2010) (на *рис. 1* виден этот «всплеск» производственной активности в 1999 г. в целом по региону). В последующие годы также наблюдался рост, но уже более спокойный.

С ростом объемов производства стали улучшаться финансовые результаты деятельности лесопромышленных предприятий, особенно в территориях, ориентированных на экспорт продукции. Однако рентабельность производства оставалась неустойчивой и количество убыточных предприятий было значительным: в 2003 г. доля убыточных в общем количестве лесопромышленных предприятий составляла в Хабаровском крае 39,1%, Приморском крае – 46,7, Амурской области – 43, ЕАО – 66,7% (Лесной..., 2008). Такое большое количество убыточных предприятий, приводимое в государственной статистике, не соответствовало реально существующему стремлению предпринимателей войти в лесной бизнес. Эта величина в большой степени отражала схемы ухода от контроля и налогов, широко применяемые предприятиями, в том числе в виде завышения производственных затрат, занижения или сокрытия прибыли, применения двойных контрактных цен.

В начале 2000-х гг. в результате проводимой территориальными органами государственной власти политики на укрупнение лесопромышленных

предприятий с целью повышения их роли как агентов освоения территории, а также роста значимости фактора внешнего спроса в отрасли начался процесс корпоратизации, усилившийся после 2005 г. Это также связано с приходом в лесной комплекс Дальнего Востока крупных инвестиционных компаний, началом процесса слияния и поглощения компаний и усиления концентрации в отрасли. Этот процесс начался на Дальнем Востоке с опозданием на 3–4 года по сравнению с европейской частью России и Сибирью. Органы власти на территориях Дальнего Востока поддерживали приход крупного бизнеса, исходя из того, что крупные компании в состоянии привлечь инвесторов для софинансирования инвестиционных проектов в области переработки. Однако вначале процесс корпоратизации охватил только лесозаготовительную отрасль, что объяснялось конъюнктурой внешнего спроса преимущественно только на необработанную древесину. Например, в Хабаровском крае доля холдингов стала резко расти в объеме арендуемой сырьевой базы, при этом доля объема лесозаготовок хоть и увеличивалась, но более сдержанными темпами: за 2003–2007 гг. доля крупных холдингов в площади аренды выросла с 41 до 57%, а в объеме заготовки – с 41 до 46% (Антонова, 2010). Показатели переработки в холдингах в этот период практически не росли, что свидетельствовало о проводимой руководством холдингов политике приобретения лесных участков в качестве активов для повышения стоимости компаний и отсутствии интереса к активной лесопромышленной деятельности в крае.

Можно сказать, что до 2007 г. дальневосточная лесопромышленная продукция оставалась конкурентоспособной на рынках Северо-Восточной Азии, хотя и по узкому продуктовому ряду – необработанные лесоматериалы (95%) и, в незначительной степени, пиломатериалы. С одной стороны, это было обусловлено структурой внешнего спроса, в которой преобладала необработанная древесина. С другой стороны, структура предложения дальневосточной лесопромышленной продукции была примитивна в силу неразвитости в регионе перерабатывающих производств, производители не могли предложить внешнему рынку иные конкурентоспособные лесные товары, кроме необработанной древесины. Такое положение объективно является неустойчивым: производитель несвободен в выборе, если он не сам создает спрос (Антонова, 2014). Объем спроса на лесных рынках стран СВА контролируется этими странами-импортерами (т. е. на рынках имеет место быть монополия, особенно на китайском рынке), соответственно, они могут контролировать и объем предложения, привлекая лесоэкспортеров из разных стран, что и было продемонстрировано в скором времени.

Таким образом, наибольшее влияние на лесной комплекс региона в этот период продолжали оказывать спросовый и транспортный факторы, в ко-

торых произошли изменения. Сырьевая продукция лесного комплекса еще больше стала привязанной к потребностям внешнего для Дальнего Востока рынка. Внешний спрос привел к модификации транспортного фактора – размещение производства стало концентрироваться в наиболее освоенных районах, близко примыкающих к внешним рынкам.

ПОСЛЕДСТВИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ НОВАЦИЙ ПОСЛЕ 2007 г.

В 2007–2008 гг. в Российской Федерации произошли существенные изменения в институциональных условиях лесопользования, которые послужили новым шоком для лесного комплекса Дальнего Востока, усугубленным мировым финансово-экономическим кризисом.

Среди наиболее важных институциональных новаций этого периода можно выделить реформу лесного хозяйства, реконструкцию лесоэкспортной политики, изменения в лесопромышленной политике.

Реформа лесного хозяйства, начавшаяся с принятия нового Лесного кодекса РФ, привела к разрушению централизованной трехзвенной структуры органов управления лесным хозяйством. Существовавшие ранее территориальные органы Федерального агентства лесного хозяйства были расформированы, так же как и их низовые звенья – лесхозы. Одновременно на территориях были созданы органы управления лесным хозяйством, которым федеральным центром были переданы полномочия по управлению лесами и предоставлены для этой цели субвенции. На базе расформированных лесхозов были созданы лесничества для управления лесопользованием, а хозяйственные функции (уход за лесом, его восстановление и защита) были переданы в коммерческие структуры. Основная идея такого нововведения – разделить хозяйственные и управленческие функции органов лесного хозяйства.

На Дальнем Востоке в результате реорганизации лесного хозяйства вместо 174 лесхозов было создано 126 лесничеств. Для выполнения лесохозяйственных работ на материальной базе старых лесхозов образовано 48 хозяйствующих структур с филиалами. Сокращение количества структур и сотрудников, осуществляющих лесной контроль и надзор, привело к росту проблем с незаконной заготовкой древесины в регионе, особенно в пограничных с Китаем территориях. Передача территориям федеральным центром своих полномочий по охране лесов, особенно в ситуациях с лесными пожарами, компенсировалась субсидиями не полностью и часто с опозданием, что было чревато потерей сырьевой базы.

Наделение лесопользователей лесными участками стало осуществлять-

ся только в форме аукционов по продаже права на заключение договора аренды лесного участка или договора купли-продажи лесных насаждений. Вытеснив практикуемую ранее форму передачи права пользования через конкурсы, аукционы привели к тому, что получать участки стали фирмы, не имеющие мощностей по заготовке древесины, с целью перепродать право пользования.

Выполнение ряда лесохозяйственных работ было отнесено к безусловным обязанностям арендатора, включая лесовосстановление, рубки ухода, противопожарное обустройство и тушение лесных пожаров на арендованном участке. Таким способом государство в законодательном порядке переложило на арендаторов свои обязанности собственника ресурса по его содержанию, охране и защите. Это можно считать способом изъятия ренты за использование лесных ресурсов, поскольку арендная плата была невелика и составляла в среднем 1–2% в структуре издержек производства лесопромышленной продукции.

Возникшая нестабильность в правилах наделения лесопользователей сырьевой базой явилась причиной сбоев в заготовке древесины, что привело к уходу части мелких и средних предпринимателей из этой сферы, усугубленному последствиями экономического кризиса.

Реконструкция лесоэкспортной политики выразилась в форме существенного повышения таможенного экспортного тарифа на необработанную древесину¹.

Необходимо отметить, что проблема совершенствования экспортной политики не раз обсуждалась в стране, в том числе на научных и правительственных площадках в дальневосточных субъектах Федерации, где растущие объемы вывоза необработанной древесины, нереализованные возможности приращения добавленной стоимости и, соответственно, недополучение бюджетных доходов порождали различные предложения по регулированию экспорта.

Например, в Хабаровском крае органы власти для сокращения экспорта сырья предлагали федеральному правительству постепенно, за 5–6 лет, поднять до 30% экспортные пошлины на необработанную древесину. Такое решение должно было стимулировать лесной бизнес к развитию переработки для сохранения своих позиций на данном сегменте рынка. Средства для создания перерабатывающих мощностей подразумевалось получать в том числе за счет доходов от экспорта древесины (Лесной..., 2001; Лесной...2005).

Однако правительство РФ избрало радикальную тактику, приняв реше-

¹ О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2006 г. № 795 в отношении отдельных видов лесоматериалов необработанных: постановление Правительства Российской Федерации от 5 февраля 2007 № 75 // КонсультантПлюс.

ние о форсированном повышении таможенных пошлин на необработанную древесину до 80%, то есть запретительного уровня, что поставило лесозаготовителей в очень жесткие условия. Решение это было принято без серьезного финансового и маркетингового анализа рынков, как внешнего, так и внутреннего. Поэтому поспешность и радикальность вводимых изменений таможенных пошлин на необработанную древесину, а также игнорирование особенностей региональных лесных комплексов привели к отрицательным последствиям в их развитии, что было обусловлено изменением на внешних лесных рынках. Целевые лесные рынки, в том числе в странах Северо-Восточной Азии, адекватно отреагировали на повышение Россией вывозных пошлин на необработанную древесину: традиционные партнеры стали постепенно сокращать закупки российской древесины, начав активный поиск более стабильных источников древесины в Канаде и США.

Для стимулирования развития деревопереработки в России были временно отменены экспортные пошлины практически на все виды продукции переработки (пиломатериалы, целлюлозу, древесно-стружечные плиты и отдельные виды бумаги и картона). Кроме того, начиная с 2007 г. правительство РФ стало предоставлять компаниям лесного сектора ряд преференций при реализации инвестиционных проектов по созданию объектов лесной инфраструктуры и развитию деревопереработки стоимостью не менее 300 млн руб. – так называемый механизм приоритетных инвестиционных проектов¹. Основными преференциями явились передача лесных участков в аренду без аукционов, 50%-ная ставка арендной платы от минимальной стоимости участка.

Эти меры лесопромышленной политики носили догоняющий характер по отношению к уже созданной ситуации запрета экспорта необработанной древесины, хотя они должны были ей предшествовать, чтобы лесная промышленность смогла достичь с наименьшими потерями цели структурной перестройки.

Результат действия всех этих институциональных новаций оказался несколько иной, чем проектировался разработчиками реформ. Из-за утраты традиционных ниш на внешних лесных рынках Россия за 2007–2012 гг. потеряла 74,2% физического объема экспорта бревен, увеличив лишь на 18% экспорт пиломатериалов, на 11% – фанеры и на 9% – целлюлозы (Колесникова, 2013).

На рынках стран Северо-Восточной Азии после 2008 г. произошло существенное сокращение объемов экспорта необработанной древесины и падение экспортных цен на нее и пиломатериалы. Особенно драматической

¹ О приоритетных инвестиционных проектах в области освоения лесов: постановление Правительства Российской Федерации от 30 июня 2007 № 419 // КонсультантПлюс.

ситуация была на традиционном для дальневосточников японском лесном рынке, где произошло обвальное падение импорта российской необработанной хвойной древесины и на четверть – падение пиломатериалов (рис. 3).

Рис. 3. Динамика стоимостных объемов импорта Японией и КНР лесопромышленной продукции из России, %

Источник: рассчитано по: Forestry..., 2017.

На Дальнем Востоке только за 2007–2009 гг. экспорт физических объемов древесины во все страны сократился на 45%. Как следствие, впервые за десять лет произошел спад по объемам производства необработанной древесины – основному показателю, обеспечивающему благосостояние предприятий лесного комплекса Дальнего Востока, – на 32% за 2007–2009 гг. (см. рис. 1 и 2). Причиной стали именно институциональные изменения, к которым позже присоединилось влияние мирового кризиса. Соответственно, снизились поступления в бюджеты территорий. С этого времени лесной комплекс Дальнего Востока стал скатываться в глубокий кризис.

Правда, в конце концов, под влиянием внешнеполитических интересов России при вступлении ее в ВТО, а также мирового финансового кризиса, правительство заморозило таможенные пошлины на ставке 25%. Затем в 2012 г. ставки таможенных пошлин на экспорт необработанной древесины некоторых пород были снижены в 2 раза в пределах тарифных квот – до 13% (ель) и 15% (сосна). Под эти экспортные квоты и, соответственно, льготные ставки попали лесоэкспортеры из северо-западных и сибирских регионов, поставляющие ель и сосну в страны Евросоюза и Китай. Это обеспечило им конкурентное преимущество перед дальневосточными лесоэкспортерами на китайском рынке.

За десять лет (2007–2016 гг.) экспорт дальневосточной древесины сократился более чем в 2 раза, что привело к потере совокупной валютной выручки в лесном комплексе Дальнего Востока за этот период на 41%.

Компенсировать лесопромышленникам эту потерю за счет увеличения экспорта пиломатериалов не удалось, несмотря на то, что бизнес первоначально отозвался на снижение экспортных пошлин на продукцию переработки в соответствии с рациональным рыночным поведением, установив примитивное лесопильное оборудование для простого распила бревен и их последующего экспорта.

Наиболее крупные предприятия под нажимом территориальных властей были втянуты в процесс создания деревообрабатывающих производств в рамках механизма приоритетных инвестиционных проектов. Существенные инвестиции в лесной комплекс Дальнего Востока направили несколько компаний, в том числе иностранных. Особенностью развития современной деревопереработки на Дальнем Востоке является то, что практически все крупные деревопереработчики вышли из лесозаготовителей. Одновременно они выступают и основными лесоэкспортерами. Как указывалось выше, первоначальной целью прихода крупных игроков на дальневосточный лесной рынок был захват ресурсов с целью экспорта необработанной древесины, об этом свидетельствует тот факт, что крупные компании стали инвестировать сначала в лесозаготовку, приобретая сложные технологические комплексы (Антонова, 2014). Начавшиеся в 2007 г. институциональные новации явились для них своего рода императивом инвестирования в деревообработку.

Из 75 проектов, включенных в первоначальный общероссийский перечень приоритетных в 2009 г., на Дальнем Востоке было создано три производства. Фактически их строительство началось еще до внедрения механизма приоритетных проектов в 2007 г., их включение в список приоритетных дало возможность получения льгот.

За прошедшие 10 лет на Дальнем Востоке было заявлено к реализации 15 проектов с общим объемом в 37 млрд руб. (10% от российских инвестиций по приоритетным проектам). Фактически на Дальнем Востоке реализуется девять проектов: пять в Хабаровском крае и три в Приморском, один – в Амурской области.

Нестабильная ситуация, вызванная резким изменением институциональных условий, а также мировым экономическим кризисом, способствовала появлению проблемы кредитования предприятий банками, не уверенными в возврате средств. В результате ухудшились условия кредитования, сократилась продолжительность кредитных линий как для текущей деятельности, так и для завершения начатых и создания планируемых инвестиционных проектов в лесном комплексе Дальнего Востока.

Хотя запуск части мощностей уже осуществлен, но в реальности проекты либо не вышли на проектную мощность, либо введенные мощности простаивают. Причины различны: ограничения с обеспечением вновь созданных производств сырьем, сложное финансовое состояние, связанное с трудностями выплаты кредитов, низкая конкурентоспособность и высокая себестоимость продукции по сравнению с китайскими аналогами, отсутствие у производителя долгосрочных контрактов на поставку готовой продукции, неблагоприятная конъюнктура на внешнем рынке.

Если проанализировать представленную в государственной статистике информацию о динамике продукции, созданной за период активной реализации инвестиционных проектов, то можно обнаружить, что фактически заметное увеличение произошло только в производстве пиломатериалов. За десять лет производство пиломатериалов выросло на Дальнем Востоке в 1,3 раза, при этом динамика производства пиломатериалов не отличается стабильностью, что во многом обусловлено нестабильностью внешнего рынка, куда поставляется подавляющая часть продукции.

По древесно-стружечным плитам произошло падение производства, несмотря на создание нового завода в Хабаровском крае (СП «Аркаим»), который остановлен в рамках процедуры банкротства. В Хабаровском крае появилось производство лущеного шпона, которое хоть и нестабильно, но растет – в 2016 г. произошел некоторый прорыв – было произведено 160 тыс. м³ (или 53% от проектного выпуска).

Необходимо учитывать, что реализация инвестиционных проектов была осложнена неблагоприятными тенденциями на китайском рынке, ставшем основным потребителем продукции лесного комплекса Дальнего Востока после повышения таможенных пошлин. Сокращение импорта Китаем российской необработанной древесины, а также существенное падение цен на необработанную древесину и пиломатериалы и, соответственно, падение валютной выручки негативно сказались на производственно-экономических показателях лесопромышленных предприятий, привели к оскудению финансовых источников для создания деревоперерабатывающих производств.

Для выхода из кризисной ситуации, в которую попал лесной комплекс Дальнего Востока, федеральным правительством был предпринят ряд шагов. Специально для лесного комплекса региона были введены отраслевые меры поддержки в виде постановления правительства РФ¹, в котором содер-

¹ Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским лесоперерабатывающим предприятиям Дальневосточного федерального округа, участвующим в реализации приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов, на возмещение части затрат, осуществленных в 2013–2016 годах на реализацию таких проектов: постановление Правительства РФ от 5 декабря 2014 № 1319 // КонсультантПлюс.

жались правила предоставления субсидий из федерального бюджета на возмещение части затрат дальневосточным лесопромышленным предприятиям, осуществленных на реализацию инвестиционных проектов. Субсидии выделялись на компенсацию: лизинговых платежей при покупке оборудования, части процентной ставки по кредитам на цели реализации проектов, затрат на перевозку древесины и готовой продукции внутри региона. Это своего рода компенсация неконкурентных таможенных условий для дальневосточников. Но барьер для получения субсидий был высокий – сначала 4 млрд руб., но затем он был снижен до 1 млрд руб., что ограничило круг их получателей. В 2015 и 2016 гг. лишь четыре крупных лесопромышленных предприятия Дальнего Востока получили данные субсидии. Действие постановления продлено до 2018 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Действовавшая до 1991 г. институциональная среда способствовала созданию на Дальнем Востоке лесного комплекса с устойчивой сырьевой структурой. Установка государства на лесной комплекс Дальнего Востока как источник валютных поступлений нашла свое отражение в структуре предложения лесопромышленной продукции в этот период – наиболее значимым оставалось сырье. Сырьевая структура оказалась устойчивой и в основе своей сохраняется до настоящего времени.

За прошедшие 25 лет лесной комплекс Дальнего Востока, как и другие регионально-отраслевые экономические системы, претерпел определенные трансформации как в целом, так и по его отдельным структурным элементам.

Изменение институциональной среды в лесопользовании в начале 1990-х гг. в рамках общей социально-экономической реформы в России выразилось в диверсификации форм собственности, изменениях правил внешней торговли и условий наделения лесопользователей сырьевой базой. С переходом к рыночным отношениям лесопользование стало платным и срочным. Однако доля лесных платежей в структуре себестоимости лесопродукции составляла мизерную часть, что не способствовало рациональному использованию лесных ресурсов. Процессы приватизации и акционирования привели к дроблению предприятий в 1990-е гг., результатом чего явилась деконцентрация производства в лесном комплексе Дальнего Востока. Либерализация внешнеэкономической деятельности привела к резкому увеличению количества лесозэкспортеров на Дальнем Востоке. Проводимая в 2000-е гг. территориальными властями политика на укрупнение лесопользователей для повышения управляемости в лесном комплексе, а также при-

ход на Дальний Восток крупного отечественного и иностранного бизнеса способствовали началу процесса корпоратизации, сначала в лесозаготовительной отрасли, а затем и в деревопереработке.

Наибольшее влияние на лесной комплекс региона в этот период продолжали оказывать спросовый и транспортный факторы, в которых произошли изменения. Спросовые изменения выразились в усилении внешнего фактора, практически полном отсечении национального рынка, сжатии регионального рынка. Переход к рыночной экономике полностью привязал региональное лесопользование к внешним рынкам. В самом лесном экспорте произошло сужение его географии в сторону концентрации всех поставок только в страны Северо-Восточной Азии с постепенным доминированием Китая. Усиление фактора внешнего спроса с его востребованностью только сырья привело к обеднению структуры предложения лесопромышленной продукции и дальнейшему увеличению доли необработанной древесины. Внешний спрос привел к модификации транспортного фактора – размещение производства стало концентрироваться в наиболее освоенных районах южной части Дальнего Востока, примыкающих близко к внешним рынкам.

Изменения в институциональных условиях лесопользования, охватившие начиная с 2007 г. лесное хозяйство, лесопромышленное производство и лесной экспорт, выступили ограничением в его развитии, поскольку привели к нарушению устойчивости рынка лесопромышленной продукции, дестабилизации условий для бизнеса в этой сфере.

Лесоэкспортная политика России поменяла расстановку сил на лесных рынках СВА в сторону снижения роли российских экспортеров как основных мировых поставщиков необработанной древесины. Попытки государства заставить экспортеров резко сменить структуру предложения с необработанной древесины на полуфабрикаты натолкнулись на объективные препятствия: во-первых, отсутствие товаров надлежащего качества и цены, которые можно было предложить на рынке, во-вторых, отсутствие наработанных ниш на лесных рынках с существующей там сильной конкуренцией для реализации новых для дальневосточных производителей товаров.

Декларирувавшийся запуск механизма структурной перестройки отрасли привел к небольшим подвижкам в технологическом развитии лесного комплекса, но не настолько значительным, по сравнению с ожиданиями при начале институциональных новаций. Инвесторы, создавшие и создающие деревоперерабатывающие производства на Дальнем Востоке, предпочитают проекты, не требующие значительных инвестиций и предполагающие быстрый срок окупаемости, основанные на неглубокой переработке

сырья и производстве полуфабрикатов (в основном пиломатериалов улучшенного качества). Проекты создания производств продукции с высокой добавленной стоимостью (целлюлозно-бумажное, лесохимическое) пока только декларируются. Такой выбор инвесторов обусловлен рисками финансовых потерь из-за неопределенности условий инвестиционной деятельности. Примером является непоследовательность правительства России в проведении лесоэкспортной политики, проявлением чего стало избирательное снижение экспортных пошлин, что создало неконкурентные условия для дальневосточников в торговле лесопромышленной продукцией и в конечном счете привело к падению производственно-экономических показателей.

Кризисные явления в лесном комплексе Дальнего Востока начала 2010-х гг. вызвали необходимость перехода к его «ручному» управлению в виде дополнительных льгот от федерального центра для крупных лесопромышленников, служащих своего рода компенсацией за потери от дискриминации дальневосточников при экспорте древесины.

Если представить графически прошедшие 35 лет, включая 25 лет реформ, то траектория развития лесного комплекса Дальнего Востока выглядит в виде синусоиды: начавшийся в начале 1980-х гг. подъем с точкой перелома после 1986 г. сменился резким падением на протяжении 1990-х гг., а затем неустойчивый подъем до 2007 г., после которого в результате совпадения отраслевых институциональных новаций и мирового кризиса начался спад, продолжающийся до настоящего времени. При этом надо отметить, что несмотря на происходившие изменения, сложившаяся до начала реформ продуктовая и технологическая структура лесного комплекса Дальнего Востока явилась в целом устойчивым образованием, инвариантным к институциональным трансформациям, которые происходили в 1991–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонова Н.Е.* Лесная политика: региональные проявления. Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. 224 с.
- Антонова Н.Е.* Лесной комплекс Дальнего Востока: реалии и возможности российско-китайского взаимодействия // ЭКО. 2014. № 6. С. 40–55.
- Внешняя торговля ДФО / Дальневосточное таможенное управление ФТС России. 2017. URL: <http://dvtu.customs.ru/index.php> (дата обращения: июнь 2017).
- Дальний Восток России: экономическое обозрение. М.: Прогресс-комплекс; Экспрос, 1993. 124 с.
- Деваева Е.И.* Структура внешних взаимодействий // Экономика Дальнего Востока: пять лет реформ. Хабаровск: ДВО РАН, 1998. С. 109–121.
- Заусаев В.К.* Экономика комплексного ресурсопользования в регионах с сырьевой специализацией хозяйства. М.: Наука, 1992. 160 с.

- Колесникова А.В. Основные проблемы и вызовы в развитии отечественного лесного комплекса // ЭКО. 2013. № 11. С. 5–25.
- Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор / под ред. А.С. Шейнгауза. Владивосток; Хабаровск: ДВО РАН, 2005. 160 с.
- Лесной комплекс Дальнего Востока России: аналитический обзор. Изд. 2-е, пересмотр. и доп. / под ред. Н.Е. Антоновой, Д.Ф. Ефремова, В.П. Каракина. Хабаровск: РИОТИП, 2008. 192 с.
- Лесной комплекс Хабаровского края: основные направления развития / под ред. А.С. Шейнгауза. Хабаровск: РИОТИП, 2001. 256 с.
- Минакир П.А. Дальний Восток России: модели развития и сценарии будущего // Вестник ДВО РАН. 1998. № 6. С. 18–30.
- Минакир П.А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: Экономика, 2006. 848 с.
- Михеева Н.Н. Оценка ресурсного сектора дальневосточной экономики на основе таблицы «затраты – выпуск» // Пространственная экономика. 2006. № 1. С. 72–86.
- Новохатько Н.Н. Изменения в системе внешнеторгового регулирования и их влияние на внешнеэкономические связи Дальнего Востока // Доклады международной конференции-презентации экономического обзора «Дальний Восток России» / под ред. Н.Н. Михеевой. Хабаровск: Институт экономических исследований ДВО РАН; Фонд Мира Сасакава, 1994. С. 46–50.
- Проблемы и перспективы использования природно-ресурсного потенциала Хабаровского края и развития эксплуатирующих его отраслей: аналитический доклад / под ред. А.С. Шейнгауза. Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. техн. ун-та, 2000. 115 с.
- Радаев В. Можно ли преодолеть зависимость от предшествующего развития // Отечественные записки. 2007. № 2 (35). URL: <http://www.strana-oz.ru/2007/2/mozhno-li-preodolet-zavisimost-ot-predshestvuyushchego-razvitiya> (дата обращения: май 2017).
- Регионы России. Социально-экономические показатели, 2007–2016 гг. / ФСТС. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: май 2017).
- Шейнгауз А.С., Каракин В.П., Тюкалов В.А. Лесной комплекс российского Дальнего Востока: ситуационный анализ. Владивосток: ДВО РАН, 1996. 63 с.
- Шейнгауз А.С., Шлык Н.Л. Лесной экспорт российского Дальнего Востока // Вестник ДВО РАН. 1997. № 5. С. 30–39.
- Шлыков В.М., Грачев В.Н. Прогноз развития и размещения лесной и лесоперерабатывающей промышленности Дальнего Востока до 2000 г. // Развитие и размещение производительных сил и транспортное обеспечение Дальневосточного экономического района на период до 2005 года: мат-лы всесоюз. науч.-практ. конф. Хабаровск: ДВНЦ АН СССР, 1984. С. 29–32.
- Экономика Дальнего Востока: пять лет реформ / под ред. П.А. Минакира, Н.Н. Михеевой. Хабаровск: ДВО РАН, 1998. 264 с.
- Экономическая реформа на Дальнем Востоке: результаты, проблемы, концепция развития. Хабаровск: Институт экономических исследований ДВО РАН, 1993. 167 с.
- Экономическая реформа: теория и практика / под ред. П.А. Минакира. Владивосток: Дальнаука, 1997. 328 с.
- Forestry Trade Flows / FAOSTAT. 2017. URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/FT> (дата обращения: июль 2017).

TRANSFORMATION OF THE FOREST COMPLEX DURING THE YEARS OF RUSSIAN REFORMS: THE FAR EASTERN VIEWPOINT

N.E. Antonova

Natalia Evgenyevna Antonova – Doctor of Economics, Chief Researcher. Economic Research Institute FEB RAS, 153 Tikhoookeanskaya Street, Khabarovsk, Russia, 680042. E-mail: antonova@ecrin.ru.

ORCID: 0000-0003-0317-0817

Abstract. The article examines the changes in forest complex of Far East in 1990–2016 to determine the extent of their influence on the modern structure of the complex. The changes in institutional conditions in 1990s in the framework of general socio-economic reform resulted in the diversity of ownership types, changes of foreign trade rules and conditions of endowment of forest resource base. At the beginning of the 2000th the external factor, cutting off the national market, narrowing of the regional market, became stronger. The geography of forest export narrowed down and aimed at North-East Asia with China gradually dominating, which contributed to placing industries in the most developed parts of the south of Far East, close to external markets. The changes in the institutional conditions of the forest resource use, including, starting from 2007, forestry, timber industry and exports, limited the Far Eastern forest complex's development as they led to breaking the stability of forest products market, destabilizing the conditions for business in the sphere. The forest exports policy led to decreasing the role of Russian exporters in the markets of North-East Asia. The crisis in the Far Eastern forest complex of 2010s caused the necessity of moving to “manual” management in the form of additional exemptions. The conclusion is drawn that despite the changes, the product and technology structure of the Far Eastern forest complex that shaped before reforms was a stable formation, invariant to institutional transformations that took place during the period in question.

Keywords: forest complex, reform, 25 years, transformation processes, Far East

REFERENCES

- Antonova N.E. *Forest Policy: Regional Features*. Khabarovsk, 2010, 224 p. (In Russian).
 Antonova N.E. Forest Complex of the Far East: Realities and Possibilities of the Russian-Chinese Interaction. *EKO = ECO*, 2014, no. 6, pp. 40–55. (In Russian).
External Trade of the Far Eastern Federal District. Far Eastern Customs Administration the Federal Customs Service of Russia, 2017. Available at: <http://dvtu.customs.ru/index.php> (accessed June 2017).
Russian Far East: Economic Review. Moscow, 1993, 124 p. (In Russian).
 Devaeva E.I. The Structure of the External Interactions. *Far East's Economy: Five Years of Reforms*. Khabarovsk, 1998, pp. 109–121. (In Russian).
 Zausaev V.K. *Economy of Comprehensive Using of Resources in the Regions with Raw Material Specialization of the Economy*. Moscow, 1992, 160 p. (In Russian).
 Kolesnikova A.V. The Main Problems and Challenges in the Development of Russian Forestry Complex. *EKO = ECO*, 2013, no. 11, pp. 5–25. (In Russian).
Forest Sector of the Russian Far East: An Analytical Survey. Edited by A.S. Sheingauz. Vladivostok, Khabarovsk: FEB RAS, 2005, 160 p. (In Russian).

- Forest Sector of the Russian Far East: An Analytical Survey. 2nd Edition, Revised and Supplemented.* Edited by N.E. Antonova, D.F. Efremova, V.P. Karakina. Khabarovsk, 2008, 192 p. (In Russian).
- Forest Complex of the Khabarovsk Territory: Basic Directions of Development.* Edited by A.S. Sheingauz. Khabarovsk, 2001, 256 p. (In Russian).
- Minakir P.A. Russian Far East: Development Patterns and Future Scenarios. *Vestnik DVO RAN = Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, 1998, no. 6, pp. 18–30. (In Russian).
- Minakir P.A. *Regions' Economics. Russian Far East.* Moscow, 2006, 848 p. (In Russian).
- Mikheeva N.N. Evaluating the Russian Far East's Resource Sector Based on 'Input – Output' Tables. *Prostranstvennaya Ekonomika = Spatial Economics*, 2006, no. 1, pp. 72–86. (In Russian).
- Novokhatko N.N. Changes in the System of Foreign Trade Regulation and their Influence on Foreign Economic Relations of the Far East. *Proceedings of the International Conference-Presentation of the Economic Review 'Russian Far East'*. Edited by N.N. Mikheeva. Khabarovsk: Economic Research Institute FEB RAS; Sasakawa Peace Foundation, 1994, pp. 46–50. (In Russian).
- Problems and Prospects of Use of Natural Resource Potential of Khabarovsk Territory and Development of Industries Exploiting Natural Resources: Analytical Report.* Edited by A.S. Sheingauz. Khabarovsk, 2000, 115 p. (In Russian).
- Radaev V. Is it Possible to Overcome the Dependency on Previous Development? *Otechestvennye Zapiski [Notes of the Fatherland]*, 2007, no. 2 (35). Available at: <http://www.strana-oz.ru/2007/2/mozhno-li-preodolet-zavisimost-ot-predshestvuyushchego-razvitiya> (accessed May 2017). (In Russian).
- Regions of Russia. Socio-Economic Indicators, 2007–2016.* Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (accessed May 2017). (In Russian).
- Sheingauz A.S., Karakin V.P., Tyukalov V.A. *Forest Sector of the Russian Far East: A Situational Analysis.* Vladivostok: FEB RAS, 1996, 63 p. (In Russian).
- Sheingauz A.S., Shlyk N.L. Export of Timber of the Russian Far East. *Vestnik DVO RAN = Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences*, 1997, no. 5, pp. 30–39. (In Russian).
- Shlykov V.M., Grachyov V.N. Forecast of Development and Allocation of Forest and Timber Industry of the Far East up to 2000. *Development and Allocation of Productive Forces, and Transport of the Far Eastern Economic Region for the Period up to 2005: Materials of All-Union Scientific-Practical Conference.* Khabarovsk, 1984, pp. 29–32. (In Russian).
- Economy of the Far East: Five Years of Reforms.* Edited by P.A. Minakir, N.N. Mikheeva. Khabarovsk: FEB RAS, 1998, 264 p. (In Russian).
- Economic Reform in the Far East: Results, Problems, Development Concept.* Khabarovsk: ERI FEB RAS, 1993, 167 p. (In Russian).
- Economic Reform: Theory and Practice.* Edited by P.A. Minakir. Vladivostok, 1997, 328 p. (In Russian).
- Forestry Trade Flows.* FAOSTAT. 2017. Available at: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/FT> (accessed July 2017).